

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА ПРИХОПЕРЬЯ)

Е. В. Дзякович

Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина

Поступила в редакцию 3 июля 2010 г.

Аннотация: статья посвящена анализу роли и места культурных центров (театров, музеев, культовых учреждений) в становлении территориальной идентичности. Значительный интерес для исследования представляют территории, где местная самоидентификация находится на достаточно высоком уровне. В этих случаях она имеет прочные культурно-исторические традиции. В статье исследование проводится на материале местной идентичности Прихоперья, с административной точки зрения входящей в состав Саратовской, Волгоградской и Воронежской областей.

Ключевые слова: Прихоперье, местная идентичность, культурно-историческая память, самоидентификация населения.

Abstract: this article is devoted to the analysis of a role and a place of the cultural centres (theatres, museums, cult establishments) in a territorial identity formation. Considerable interest for the research is represented by the territories where local self-identification is at a high level. In these cases it has strong cultural-historical traditions. In the presented article the research is held on a material of Prikhoperje local identity, from the administrative point of view a part Saratov, Volgograd and Voronezh areas.

Key words: Prikhoperje, local identity, cultural-historical memory, population self-identification.

В современной России – при ее территориальной обширности, этническом многообразии, большом количестве часовых поясов и климатических зон – потребность в формировании региональной/местной идентичности как некоего стабилизирующего фактора чрезвычайно велика.

В эпоху глобализации информационных процессов, развития новейших информационных технологий, как правило, речь идет об укрупнении информационного пространства, распространении его границ до масштабов планеты. Однако одновременно с этим налицо и обратная тенденция – тенденция к созданию локальных информационных пространств, ограниченных социальными и/или территориальными факторами. Обе эти тенденции нельзя считать ни взаимоисключающими, ни противоречащими друг другу. Напротив, их сочетание в значительной мере обуславливает современное состояние отечественного массово-информационного пространства. Следовательно, рассмотрение проблем местной идентичности с точки зрения *глокализации* также представляется перспективным.

Тем больший интерес для исследования представляют территории, где местная самоидентификация находится на достаточно высоком

уровне. В этих случаях она проявляется как в «официальных», так и в «неофициальных» формах и имеет прочные культурно-исторические традиции.

Одним из примеров такого территориального образования можно считать Прихоперье, которое является уникальным в своем роде социокультурным и географическим провинциальным феноменом. «Без обширной зрелой провинции как типа, значительной и существенной зоны культурного ландшафта не может быть полноценного пространства страны, не может быть состоявшейся зрелой страны», – утверждает один из известных исследователей российской провинции В. Каганский [1].

С позиций территориальных характеристик Прихоперье представляет собой достаточно четко локализованную местность – как с точки зрения географического единства, даже некоторой монолитности, несмотря на разделенность по разным регионам, так и с точки зрения сформированности на достаточно высоком уровне единого коммуникативного пространства.

Прихоперье как географический объект представляет собой местность на юго-востоке Европейской части Российской Федерации, расположенную в бассейне реки Хопер (левого притока Дона). Условно верхнюю идентификационную

границу Прихоперья можно провести по Ртищевскому району Саратовской области, нижнюю – по Урюпинскому району Волгоградской области. При этом самое верхнее течение реки не обладает своей собственной местной и социокультурной идентичностью, оно органично вписано в контекст Пензенской области. Аналогично – и низовье, устье Хопра, где мы наблюдаем все характерологические черты Донской идентичности.

Говоря о местной идентичности Прихоперья, нельзя не затронуть ряд моментов, объединенных общекультурными (и, соответственно, в ряде случаев идентификационнообразующими) функциями. В данном случае речь прежде всего идет о театрах, музеях Прихоперья, а также о некоторых показательных моментах, связанных с религией как составляющей культуры.

Важным маркером местной идентичности является наличие нескольких самостоятельных (не филиалов) театров в наиболее крупных городах Прихоперья. Старейшим из них считается Балашовский драматический театр, который открылся 17 октября 1918 г. в здании Народного дома спектаклем «Власть тьмы» Л. Н. Толстого (постановка Н. Н. Никольского). В сезоне 1921/22 г. поставлено 88 спектаклей. В 1935 г. театр занял второе место на Республиканском смотре колхозно-совхозных театров в Москве [2]. За годы деятельности театром поставлено более 800 спектаклей, накоплен большой опыт, сложились хорошие творческие традиции, которые бережно сохраняются и развиваются новыми поколениями актеров. Театр ведет активную гастрольную работу. Его хорошо знают в Саратове и районах области, театральные зрители соседних Воронежской, Пензенской, Волгоградской и Тамбовской областей [3]. Однако гастрольная деятельность театра осуществляется в основном на территории Прихоперья.

Несколько позднее, в 1937 г., на основе Борисоглебского областного колхозно-совхозного театра под руководством режиссера П. Трапезникова был создан Борисоглебский драматический театр им. Н. Г. Чернышевского. Неоднократные попытки властей закрыть единственный городской театр в Воронежской области, к счастью, не были доведены до конца. Даже наоборот – в конце сороковых годов расформированный Урюпинский драматический театр (Волгоградская область) удачно влился в труппу Борисоглебского театра [4].

Обращение к информации, представленной на официальном сайте, не случайно: здесь мы находим подтверждение и неординарности, «немассовости» такого явления, как провинциаль-

ный городской театр, и косвенное доказательство наличия в разные годы прихоперской идентичности – когда после расформирования Урюпинский театр не был присоединен к Волгоградскому (Сталинградскому). Следовательно, преобладающим фактором в данном случае стали не формально-административные границы, а географическая и, очевидно, ментальная близость всех прихоперских городов между собой.

Важным идентификационнообразующим фактором, без сомнения, являются местные краеведческие музеи. Традиционно характер экспозиций в них выстраивался в соответствии с воспитанием местного патриотизма. На территории Прихоперья существует несколько краеведческих музеев.

Первым был открыт Борисоглебский краеведческий музей (1913 г.). Основателем музея стал Иван Авксентьевич Оуинов (1880–1934 гг.). За 90 лет в фондах музея собрано значительное количество интересных экспонатов, включая коллекцию самоваров, археологических находок, нумизматическую коллекцию, архивные материалы, коллекцию старинного оружия, собранную генералом медицинской службы Н. Падлодшим. В экспозиции филиала музея – картинной галереи – широко представлены работы местных художников А. Куприна, А. Рябушкина, П. Шолохова, В. Савинова. В структуре экспозиции работают две постоянно действующие выставки: оружия, декабристов, первых борцов за свободу [5].

Наиболее крупным из краеведческих музеев прихоперских городов можно считать Балашовский краеведческий музей. Музей открылся 1 апреля 1932 г. Основателем его стало Балашовское отделение НВКОК (Нижеволжское краевое общество краеведения). В 1937–1987 гг. он располагался в приспособленном здании в парке им. Куйбышева. В годы Великой Отечественной войны музей был временно закрыт. С 1954 по 1957 г. музей имел статус областного. В это время его фонды пополнились уникальными экспонатами, увеличился штат сотрудников, экспозиции стали более зрелищными. В шестидесятые–семидесятые годы наряду с собирательской и исследовательской работой широко велась просветительская работа, оформлялись выставки. В 1971 г. музей был награжден грамотой Советского комитета ветеранов войны. В 1978 г. музей получил разрешение Института археологии АН СССР на разведку местности и археологические раскопки [6].

Свой краеведческий музей есть и в г. Урюпинске. Однако общие сведения о нем весьма отрывочны, фрагментарны и крайне не полны.

Вместо официальной информации об истории создания музея, его основных экспозициях и даже часах работы на сайте можно найти лишь сведения о самом факте его существования и случайные отзывы случайных посетителей: «Была в этом музее пару раз. Обычный музей, как в любом провинциальном городе. Экскурсовод рассказывает о том, как зарождался город, откуда такое название и т.д. В целом интересно, но экскурсий там мало, и поэтому обычно посетители ходят и изучают все самостоятельно. Музей двухэтажный, входной билет недорогой. Можно посетить, если будете проезжать мимо» [7]. Даже информацию о дате его открытия (1968 г.) пришлось искать через личные каналы.

Еще меньше сведений о краеведческом музее Новохоперска. Официальная информация в сети Интернет дается вскользь, наряду с общими сведениями о городе: «Развиваются музеи – краеведческий и советско-чехословацкой дружбы. В настоящее время идет подготовка нового каталога музейного фонда, общий объем которого превышает тысячу единиц, оформляются новые залы: природы, знаменитых людей «Ими гордится Новохоперский край», передвижных выставок...»

Однако если осмотреть основные экспозиции этих музеев, можно отметить две тенденции в их оформлении. Одна из них носит, условно говоря, идентификационнообразующий, конструктивизирующий для всего Прихоперья характер; другая, опять же условно говоря, направлена на деконструирование местной идентичности, на «закрепление» официальных «привязок» к Воронежу, Саратову, Волгограду соответственно.

С первой тенденцией связаны те фрагменты экспозиций, где представлены элементы прихоперского быта, костюмы, воспроизведены типичные жилые дома сельской/хуторской местности Прихоперья, а также все моменты, касающиеся хоперского казачества. Сопоставление музейных самопрезентаций местности, даже на уровне поверхностного наблюдения, неоспоримо и наглядно свидетельствует о ментальном единстве территории. Причем единстве, уходящем в глубь веков и способствующем формированию «низовой» идентичности.

Со второй тенденцией связаны попытки, порой искусственные и неорганичные, вписать прихоперские земли в социокультурный контекст областного центра, обозначить их как часть Поволжья или Черноземья. Эти попытки закреплены как современной символикой (например, совершенно чуждо выглядят три стерляди саратовского герба и мост через Волгу в

краеведческом музее г. Балашова), так и сведениями из СМИ, архивных источников, официальных документов (исключая годы существования Балашовской области).

Обе обозначенные тенденции четко прослеживаются и в различных массовых, культурно-просветительских, презентационных мероприятиях, проводимых краеведческими музеями. Таким образом, очевидно, что роль местных краеведческих музеев в конструировании и деконструкции местной идентичности на территории Прихоперья явно не однозначна.

Следующий аспект, являющийся частью широкого «общекультурного» пласта прихоперской идентичности, связан с религией. Заметим, что рассмотрение особенностей религиозного сознания или анализ идентичности с позиций той или иной религии не является предметом данного исследования. Но, говоря о Прихоперье, нельзя не отметить один из фактов, не получивших широкой общественной известности.

Речь идет о православной иконе – иконе Урюпинской Божьей Матери. Как показали данные опроса, лишь немногие жители Прихоперья (около 21 % опрошенных – в основном жители Урюпинского района и соседних районов Волгоградской области) знают о существовании этой иконы.

Приведем мнение эксперта, священника Николая Караичева (церковь Успения Пресвятой Богородицы, г. Камышин Волгоградской епархии РПЦ): «Урюпинская икона Божьей Матери – святыня Волгоградской епархии. В 2000 г. по благословению святейшего патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго в календарь Русской православной церкви было внесено празднование этой иконы, которое совершается 21 июня каждого года. Огромное количество верующих имеет в этой иконе Милосердную Заступницу. Каждый год проходит крестный ход по городам и весям нашей епархии. Наверное, в каждом доме и у каждого верующего Волгоградской епархии имеется копия этого чудотворного образа. Народ очень любит и почитает этот образ, об этом свидетельствует то огромное количество верующих, и даже любопытствующих, которые стараются прикоснуться к этому образу.

Подтверждение этим данным находим в одной из официальных газет РПЦ: «Существует несколько версий обретения этого чудотворного образа, которые, различаясь в некоторых деталях, сводятся к одному: явление Урюпинской иконы Божией Матери последовало 8 июня 1827 года. Образ был найден двумя отшельни-

цами, посвятившими свою жизнь служению Богу и жившими в уединенном месте, неподалеку от станицы Урюпинская, в урочище, называемом Каменный Баерак. Это место представляло собой крутой скат к реке Хопер, покрытый лесом и изрезанный глубокими оврагами. Здесь, в ветвях деревьев, у источника и была обретена икона. Некоторое время она хранилась в хижине стариц, а потом образ был перенесен в казачью станицу Урюпинскую, входящую в область Войска Донского. В 1854 году икона была поставлена в приходском станичном храме Покрова Пресвятой Богородицы, где хранилась в резном позолоченном киоте. К нему было привешено много дорогих серебряных лампад, подаренных благодарными мирянами, которые молились перед образом и получили исцеления» [8, с. 4].

Если обратиться к фактографической (светской, не богословской) стороне проблемы, то становятся очевидными несколько ее аспектов. Далеко не каждый из крупных городов России имеет свою «местную» святыню, тем более такого масштаба и степени значимости. В частности, ни в Саратове, ни в Волгограде, ни в Воронеже – современных региональных центрах для прихоперских районов – аналогов нет. Уже один этот факт является серьезной заявкой на формирование некоего самостоятельного территориального образования.

Более того, дата возникновения (говоря церковным языком, явления) этой иконы относится специалистами к двадцатым годам XIX в. – периоду, когда уже были образованы основные города Прихоперья: Урюпинск, Борисоглебск, Новохоперск, Балашов. Именно к этому времени прихоперские территории начинают активно развиваться с хозяйственно-экономической и культурной точек зрения. Поэтому «появление» здесь своей святыни вполне закономерно.

В эти годы достаточно четко определились взаимоотношения донского и хоперского казачества. Сложилась ситуация, парадоксальным образом напоминающая современную. Формально эти земли входили в области Войска Донского, фактически же хоперское казачество находилось в скрытой оппозиции по отношению к донскому, а вплоть до XVIII в. вообще игнорировало приказы Войска Донского. Возникновение (явление) своей святыни, условно говоря, «легитимизировало» хоперцев, несмотря на то, что официальные светские и церковные власти тогдашней России стремились «позиционировать» икону именно как Донскую.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в наши дни. Икона Урюпинской Божьей Матери получила «официальный» статус святыни Волгоградской области. Именно на территории этой области она особо почитаема, там устраиваются крестные ходы в ее честь, а саму икону возят для поклонения во многие православные храмы области. Сама же икона оказывается вновь «разъединенной» с исконной прихоперской землей.

В этих случаях мы вновь сталкиваемся с «державным мышлением», с идеей сильного и – что очень важно – совпадающего с административным центра. Известно, что церковь как социальный институт обладает мощной воздействующей силой, а потому ее «массово-коммуникационный» ресурс по-разному использовался властью в разные годы.

Прежде всего, возможность для такого использования дает глубинная историческая и культурная память. «Действительно, память религиозной группы обладает одной особенностью: в то время как у других групп память взаимопроникает и стремится к взаимной согласованности, религиозная память считает себя зафиксированной раз и навсегда и либо заставляет других приспособляться к господству ее представлений, либо систематически игнорирует их и относит к низшему разряду, противопоставляя свое постоянство и их нестабильность» [9, с. 233]. Таким образом, как будто бы обосновывается некая «незыблемость» существующих (равно как и существовавших) административных границ.

Но здесь опять мы встречаем противовес в виде «низовой» идентичности. Согласно представлениям жителей большинства окрестных районов (вне зависимости от их современной административной принадлежности), Урюпинскую Божью Матерь многие верующие воспринимают как покровительницу Хопра и прилегающих земель. Такое восприятие вновь переключается с мыслью Мориса Хальбвакса о том, что «поскольку все остальное в общественной жизни развивается во времени, то религия должна быть из него изъята» [9, с. 234]. Так понятия религиозного сознания, религиозной коллективной памяти, «коллективного бессознательного» [10] (в юнговском представлении) и местной идентичности оказываются тесно взаимосвязанными между собой.

Приведем несколько примеров.

Коренной житель г. Урюпинска, женщина, 44 года, образование высшее, журналист: «Икону Урюпинской Божьей Матери у нас все знают и почитают. Каждый год ее возят по храмам

Волгоградской области, чтобы люди могли прийти и поклониться. Я, правда, всегда думала: а почему только по Волгоградской? Ведь эта икона по всему Хопру известна как покровительница наших мест».

Коренной житель с. Большой Карай Романовского района, мужчина, 36 лет, образование среднее специальное, фермер: «У нас тут своя святая икона есть – Урюпинская Божья Матерь. Когда я свое дело решил открыть, я ездил к ней – она, говорят, всем хоперским помогает».

Коренной житель с. Пески Поворинского района, женщина, 27 лет, образование среднее специальное, медсестра: «Мы с мужем венчаться ездили специально в храм, где икона Урюпинской Божьей Матери, мне еще бабушка говорила: когда будешь замуж выходить – обязательно там венчайтесь, тогда все у вас хорошо будет!»

Коренной житель г. Балашова, женщина, 39 лет, образование высшее, доцент БИ СГУ: «По работе я часто бываю в Урюпинске. И всегда стараюсь зайти в храм, к знаменитой Урюпинской Божьей Матери. Это как раз наша, местная святыня. Я вот, правда, не пойму, почему ее возят только по Волгоградской области – ее же по всему Хопру чтут».

Таким образом, религиозное (а порой и псевдорелигиозное, обрядно-суеверное, близкое к первобытному) сознание [11, с. 137] накладывается на «непреодоленную и, по-видимому, непреодолимую пропасть между судьбой человека де-юре и судьбой человека де-факто» [12, с. 142].

Более того, «образования духовной... культуры человечества представляют собой результат исторических наслоений опыта ряда поколений, продукт всеобщей селекции, отбора, часто даже полной смысловой перелицовки, продукт бесконечных воспоминаний и отдельных привнесений, многообразно процеженный через призму рефлексии и опыта великого множества людей. В этих продуктах мы действительно как будто имеем дело с каким-то сборным историческим умом человека» [13, с. 369]. Эта мысль исследователя представляется чрезвычайно важной не столько для понимания социально-психологической природы религии вообще, сколько для осмысления роли религиозного (а также околорелигиозного) чувства применительно к проблеме местной идентичности.

В связи с этим представляется весьма значимым понятие коллективной идентичности (мы-идентичности), которое «складывается у группы и с каким идентифицируют себя ее

члены. Коллективная идентичность есть дело идентификации со стороны отдельных лиц, участвующих в ней. Она не существует «сама по себе», но всегда лишь в той мере, в какой ее признают своей определенные люди. Ее сила или слабость зависят от того, насколько она жива в сознании членов группы и способна мотивировать их мышление и деятельность» [14, с. 141–142].

Это мнение известного исследователя исторической и культурной памяти Я. Ассмана полностью подтверждается применительно к идентичности Прихоперья, где факт наличия местной с территориально-номинативной точки зрения, но широко почитаемой в системе православия в целом святыни играет весьма показательную роль. Причем эта роль и ее трансформации в некоторой степени сопоставимы с различными социально-политическими процессами, в которые вовлеченным оказалось не только маленькое Прихоперье, но и все государство, а порой и целый ряд других государств.

В первую очередь речь идет здесь о неоднократных переменах «официального курса» по отношению к религии и неоднократном же пересмотре административных границ. При таких глобальных, идущих «сверху», изменениях на первый план выходят социокультурные и ментальные практики. «Общая» святыня в этом случае может выступать либо как идентификационнообразующий фактор (при наличии религиозных или околорелигиозных чувств), либо как «ноль-фактор», не играющий сколько-нибудь серьезной роли в формировании местной идентичности (при отсутствии религиозных или околорелигиозных чувств). В любом случае этот факт не может выполнять роль деконструкта местной идентичности.

В целом же на современном этапе и при современном уровне общественного/коллективного сознания и самосознания наличие местной святыни (причем именно иконы Божьей Матери, особо почитаемой в русском православии) чрезвычайно важно для когнитивного комфорта жителей единой с ментальной и социокультурной точек зрения территории, но много лет разделенной административными границами. Следовательно, мы можем говорить еще об одном идентификационнообразующем для Прихоперья моменте.

Как видим, местная идентичность Прихоперья оказывается весьма интересным и примечательным социокультурным и территориальным феноменом, где культурные центры в значительной мере играют идентификационнообразующую, центростремительную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=32&article=1351>
2. Режим доступа: <http://www.rosteatr.ru/search.asp?org=623>
3. Режим доступа: <http://www.saratov.gov.ru/news/events/detail.php?ID=31541>
4. Режим доступа: <http://www.kyvaev.narod.ru/prov/Theatr/Borisg.htm>
5. Режим доступа: <http://www.museum.ru/m662>
6. Режим доступа: <http://www.museum.ru/M889>
7. Режим доступа: <http://www.autotravel.ru/otklik.php/2461>
8. Сибирская православная газета. – 2007. – № 8.
9. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М., 2007.
10. Юнг К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг. – М., 1994.
11. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление : у истоков человеческого интеллекта / Ф. Кликс. – М., 1983.
12. Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления / К. Р. Мегрелидзе. – М., 2007.
13. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман. – СПб., 2008.
14. Ассман Я. Культурная память : письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М., 2004.

*Поволжская академия государственной службы
им. П. А. Столыпина*

*Дзякович Е. В., кандидат филологических
наук, доцент кафедры социальных коммуникаций
E-mail: sockom@pags.ru
Тел.: +7(8452) 33-92-71*

*Volga Region Academy of Civil Service named
after P. A. Stolypin*

*Dzyakovich E. V., Candidate of Philology,
Associate Professor of the Social Communications
Department
E-mail: sockom@pags.ru
Tel.: +7(8452) 33-92-71*